

Утром 25 ноября 2069 года 27-летняя Шеннон Селл посмотрела на себя в зеркало и широко улыбнулась уголками рта. Холодная в своей практичности ванная комната с серыми мраморными стенами и полом и сверкающей металлической сантехникой была лишена каких-либо цветов, за исключением тусклой голубизны панелей верхнего освещения. Краны сработали автоматически, когда она протянула руки вперед, чтобы набрать воду. Она улыбалась, улыбалась и улыбалась, пока глаза не начали слезиться. Она улыбалась до тех пор, пока не убедилась, что это реальность. Улыбка была женственной, предписанной уставом OFC - Office of Female Compliance (Управление по соблюдению женского поведения).

Шеннон была послушной и делала все возможное, чтобы две ее сестры тоже были послушными. Она была длинноволосой, яркой блондинкой с грудью в форме буквы "D" и изогнутыми бедрами, старшей из четырех братьев и сестер в семье Селл. Она была единственной, у кого сохранились хотя бы слабые воспоминания о том, как все было до того, как четверо из пяти мужчин на Земле были заражены смертоносной нитью Минервы... и все женщины на планете взяли вину на себя.

Она подумала об этом, улыбаясь. Она видела фотографии этой вспышки - вирус, поражающий только мужчин, мертвые скапливаются в жутких братских могилах, что приводит к огромным разрывам в структуре общества. Землевладельцы, мировые лидеры, магнаты и олигархи, военные падали как мухи, а те, кто не умирал, быстро находили виноватых - группу женщин-ученых, которые взяли дело в свои руки, опубликовав антимужской манифест накануне терактов в Вашингтоне, Париже, Лондоне, Токио, Сеуле и Берлине. Эти террористки были пойманы и казнены за свои преступления. Их предсмертные агонии были сняты на видео в назидание массам, как предупреждение о том, что женщин всегда нужно жестко контролировать, чтобы злые принципы феминизма и женской самостоятельности не привели к очередному геноциду мужчин.

Шеннон продолжала улыбаться своему неестественному, кукольному женскому лицу, глядя в зеркало. Она знала, что в нем установлена камера, одна из многих камер в доме, которые постоянно следят за ней. Если она не улыбалась более нескольких секунд, это фиксировалось. Если она плакала или выглядела несчастной, это фиксировалось. В конце концов, если порог времени, проведенного без улыбки, достигал определенной отметки (она, секретарша в штаб-квартире OFC в Вашингтоне, была одной из немногих женщин, знавших точное число, но ей было запрещено разглашать его без разрешения мужчины), Шеннон знала, что ее заберут на "перевоспитание".

Она поправила тесную кофточку и расстегнула ее, чтобы показать слишком тесную блузку, в которой ее грудь напрягалась в пуговицах и демонстрировала явное декольте. Скромность или застенчивость - оба проступка, за которые она могла получить черную метку в своем послужном списке. Улыбка не дрогнула, как бы маниакально она ни выглядела, голубые глаза почти не мигали, глядя на нее, как на ожившую куклу. Открыв косметичку, она нанесла блеск на пухлые губы, а затем стала подкрашивать ресницы тушью, одобренной правительством. Подразделение Compliance Cosmetics (Соблюдение использования косметических средств) управлялось женщинами, для женщин, и вся их продукция была официально одобрена, чтобы соответствовать правилам нескромности.

Дверь открылась, и вошел восемнадцатилетний брат Шеннон, Лео, чуть ниже ее ростом, в одних только испачканных трусах-боксерках, зевающий и почесывающий затылок. Он был

среднего роста, черноволосый, кареглазый и в основном ничем не примечательный, за исключением одной особенности, которую он с удовольствием демонстрировал в любое время - своего очень большого, толстого и длинного необрезанного члена. Шеннон сразу же почувствовала, что он не мылся и не принимал душ, и что засохшая сперма и слюна, оставшиеся после его ночных сексуальных походов, застыли на его члене и яйцах во влажном чехле его боксеров. Но ее лицо не дрогнуло, она никак не отреагировала. Она знала, что это не ее место.

"Блядь, у меня с утра член воняет", - непринужденно сказал Лео. Он отнесся к этому заявлению как к обычному братскому подтруниванию, потому что так оно и было. Он был мужчиной в доме, и не только в силу отсутствия других кандидатов - их отец и мать находились в программах перевоспитания, - но и по государственному закону. Его сестры, находясь в его доме, были его собственностью. "Ты можешь вычистить сыр из моего члена, Шэн?"

Шеннон тут же повернулась на девяносто градусов, прекратив свои действия, все с той же пластиковой улыбкой на лице. "Конечно, брат!" - сказала она, покорно и с отработанной щепетильностью. "Спасибо, что позволил мне вычистить сыр из твоего огромного пениса!" Внутри она не чувствовала ничего похожего на энтузиазм, но у нее не было выбора. По закону, любой мужчина мог попросить женщину о любой услуге, и эта услуга была оказана, без колебаний, без хмурых взглядов, без жалоб. Лео родился в этой системе, и он не знал другого пути. Ее младший брат был постоянно возбужден, постоянно хотел, чтобы его грязный член обслужили, и считал это совершенно нормальным. С самого раннего детства его воспитывали так, что Шеннон, его сестры и все остальные женщины были доступны для его любой прихоти.

Она опустилась перед ним на колени, шаркая по мраморному полу своими шортами и шерстяной юбкой, и потянулась к его поясу. Она спустила его вниз, открыв лес темных, выходящих волос на лобке, под которыми, как пухлая сосиска, висел длинный, совсем вялый член брата. Длинная неухоженная крайняя плоть, выступающая за кончик члена почти на два сантиметра, сужалась, и из ее суженного конца уже сочилась сиропообразная струйка спермы.

"У меня много накоплено", - прокомментировал Лео, и Шеннон убедилась, что это правда. Он спал с членом в горле своей младшей сестры Кайли, несомненно, эякулируя несколько раз за ночь, и его член был покрыт засохшей спермой, потом, блеском ее слюны и слизью из горла. От него воняло, ноздри Шеннон раздувались, но она не подавала никаких других признаков реакции, только двумя руками оттягивала длинную крайнюю плоть. Под ней было так много смегмы и грязи, что при движении раздавался липкий, склизкий звук. Шеннон обслуживала член своего брата каждый день на протяжении многих лет, и со временем это занятие не стало более аппетитным... Но у нее было послушное и хорошо отрепетированное женское лицо. Ее шутивая улыбка была железной, как вторая натура.

Лео стал тереть членом по всему лицу, носу и губам, размазывая по каждой поверхности толстые куски желтоватой смегмы. Кусочки грязи собрались на кончиках ноздрей и на верхней губе. "Тебе очень нравится чистить мой член с сыром, да?" сказал Лео, глядя на нее сверху вниз, его глаза были почти скрыты неухоженной челкой.

"Конечно", - ответила Шеннон. "Твой сыр просто потрясающий и так сильно пахнет!" С годами она выработала навык, позволяющий ей не поддаваться тошноте и отвращению, и он пригодился ей в те дни, когда Лео настаивал на том, чтобы она орально вычищала каждую капельку грязи с его члена, как сегодня. Средняя сестра, Селия, не была столь искусна в своем актерском мастерстве, и это не могло не беспокоить Шеннон. Селия уже трижды была отмечена за несоблюдение правил. У Шеннон же послужной список был безупречен. Она знала, что камеры следят за ней, даже в тот момент, когда Лео поднял свои большие потные

яйца и начал тереть ими ее лицо, прижимая их прямо к ноздрям и размазывая грязь члена по ее обонятельным органам. Глаза Шеннон слегка заслезились от жуткого зловония... но она понимала, что такое выражение глаз можно оправдать как перформативное возбуждение или невольное страдание. Когда примерно через пятнадцать секунд Лео отвлекся от своих яиц, она сделала вдох - от чего куски смегмы в ее ноздрях ощутимо завибрировали - и тут же вернула свое лицо в широкую, пластиковую улыбку.

"Тебе нравится, да?" сказал Лео.

"Да, мне нравится", - машинально ответила Шеннон. "Мне нравится чистить своим лицом твой очень вонючий сыр на члене, мой замечательный красавец-гений брат". Это была не то чтобы ложь, но мантра. Закон гласил, что Лео, с его средним телосложением и большим, толстым, часто гротескно грязным членом, был красив. Закон гласил, что ей должно нравиться все, что он делает.

Лео потянулся вниз и обхватил двумя руками ее голову, прижимая свой член к ее рту, разжимая ее губы, а затем проникая внутрь. Он был очень толстым, и только слизь ее слюны и его пота позволила ей принять несколько сантиметров. Как она ни старалась, умение глубоко втягивать в себя воздух никогда не давалось ей так же естественно, как двум ее сестрам, и она была наименее искусна из всех троих, когда дело доходило до поглощения мужских органов, как того требовал закон. Но то, чего ей не хватало в этих областях, Шеннон компенсировала беспрекословным подчинением.

"Глюуууууарк!" - прохрипела она, когда отвратительный, покрытый смегмой ствол Лео задел ее гланды. "Хрррррррррк!" Рвотный рефлекс был сильным, и слезы полились из глаз, заставив потечь только что нанесенную тушь. Но она ни разу не попыталась отстраниться, даже не уперлась руками в его ноги, чтобы хоть немного отстраниться. Шеннон была слишком дисциплинирована для этого.

"Блядь, как же мне нравится использовать твоё горло как киску", - сказал Лео, обращаясь больше к себе, чем к ней, и начал двигать бедрами и проникать в ее узкий ротовой проход. Толщина его грубого, покрытого венами члена делала такой оральный секс особенно неудобным для Шеннон, и очертания головки его члена были видны на ее стройной шее, когда он насаживался на ее лицо, почти переваливаясь вперед и упираясь в ее череп двумя руками за ее роскошные светлые волосы. Слюна, смешанная с кусками смегмы, стекала в декольте Шеннон, пачкая ее блузку, забрызгивая ее большие сиськи. Она знала, что не сможет помыться без разрешения мужчины, а это означало, что она все еще будет украшена жидкостями Лео, когда она будет проводить брифинг перед комитетом регулирующих органов OFC позже этим утром.

Лео сжимал горло Шэннон, а в это время снаружи доносились звуки двух других сестер, которые тоже готовились. Кайли и Селия должны были знать, что происходит, - это была обычная часть их жизни под крышей Лео. Хотя он был самым младшим, это уже не имело значения, и не имело уже на протяжении целого поколения. Он был мужчиной, а они - женщинами. Любая женщина в доме мужчины, по закону, находилась под его контролем не являясь зависимой от других мужчин, но должна была обеспечивать комфорт и обслуживание в соответствии с его требованиями. Все семьи строились таким образом, что по достижении совершеннолетия женщины в первую очередь подчинялись своим отцам. Те из женщин, кто жил только с другими женщинами - а это было неизбежно, поскольку 90% мужского населения было уничтожено, - не имели права на личную жизнь и собственность. Если мужчина переступал порог их дома, он был главным до тех пор, пока не выходил за порог. Таков был закон.

"Хууууууууууарк!" прорычала Шеннон. "Хлхлхлхлх! Хннннн!" Она навалилась всем телом на член Лео, когда он унизительно долбил ее череп. Снаружи, на кухне, Селия с едва скрываемым презрением ела энергетический батончик, прислушиваясь к звукам, заглушаемым дверью. Ее улыбка была слабой - она носила свои эмоции на лице, и даже в лучшие времена ее мимика едва ли соответствовала ситуации. В этот день она была особенно раздражена, поскольку ей предстояло участвовать в суде присяжных по делу о несоблюдении закона, а накануне вечером произошел "инцидент"... инцидент, о котором никому нельзя было позволить узнать.

Селия была одета в юбку и пиджак, совсем как ее сестра Шеннон, но была гораздо стройнее, ее тело было более подтянутым и спортивным, лишенным большой круглой попы и бедер старшей. Впрочем, меньший размер тела только еще больше подчеркивал ее большую грудь - у нее была пара хирургически увеличенных сисек D+ размера, которые выпирали из блузки, как воздушные шарики. Она ненавидела свои большие сиськи, ненавидела, как они смотрятся на ее худеньком теле... но ей их поставили в качестве условия испытательного срока за несоблюдение правил. Ее обвиняли в том, что она недоброжелательно относится к мужчинам, мало улыбается и слишком скромно одевается. Она избежала перевоспитательного лагеря, потому что Шеннон потянула за несколько ниточек, и ее наказание было сокращено до увеличения груди. Завтрак она съела без особого энтузиазма... но сумела сохранить свою кукольную улыбку хотя бы частично нетронутой. Она знала расположение некоторых камер в доме - светильника с подслушивающим устройством, дисплея холодильника, компьютера - но далеко не всех.

Кайли была другой. Селия считала, что ее прокляли за то, что у нее постоянно возбужденный брат с огромными яйцами, выделяющими большое количество спермы с коротким периодом рефрактерности, но Кайли принимала это как должное. Она уже была одета для работы в фуд-корте комплекса "Five-Way" - офисного парка, где руководители-мужчины управляли компаниями, в которых работали в основном женщины. Веселая рыжеволосая девушка с россыпью очаровательных веснушек под каждым голубым глазом, Кайли была любимицей мужчин в этом комплексе и, казалось, без труда удовлетворяла всех своих клиентов, независимо от того, насколько необычными были их требования. Младшей из трех сестер было девятнадцать лет, и для нее было в порядке вещей обслуживать мужчин и одеваться в меру скромности. Даже Лео, измотавший Шеннон и доведший Селию до предела, не смог повлиять на внешнюю позитивность Кайли. В этот день, как и во многие другие, она завтракала спермой - большой кружкой, которую Лео накопил после продолжительных сеансов мастурбации.

Селия постаралась, чтобы ее кукольная улыбка не дрогнула, когда она смотрела, как ее симпатичная младшая сестра - у которой к тому же была самая большая грудь из них троих, E+ - откинула назад кружку, наполненную спермой, и начала глотать желтовато-белое месиво. Она была невероятно густой - яйца Лео, похоже, работали сверхурочно, выдавая крайне отвратительные порции, - и Селия почувствовала, как у нее слегка заурчало в животе. Уф! Сперма брата воняла и была такой комковатой, что ее приходилось жевать - она окрасилась в желтый цвет от количества смегмы и мочи, которые в ней содержались, - но горло Кайли работало без усилий и принимало все это. В те дни, когда Селия по приказу Лео делала это, она едва сдерживала позывы к рвоте, а потом вынуждена была скрывать тошноту в течение нескольких часов, пока чувство не проходило.

"Ммм, сегодня она особенно густая!" прокомментировала Кайли и осушила бокал. Несколько капель попали в декольте ее наряда горничной, который демонстрировал ее огромную бледную грудь через кружевную отделку с низким вырезом спереди. Ее стройные ноги и попа были одеты в короткую юбку и чулки в сеточку. "Брат производит так много спермы!"

"Да, я уверена, что она великолепна на вкус", - сказала Селия, и в ее голосе прозвучал сарказм.

При этих словах она прикрыла рот батончиком для завтрака. Она узнала, что мониторы соответствия не умеют распознавать сарказм, и ей удавалось скрыть кратковременный недостаток женского лица, если она прикрывала рот рукой или другим предметом. Тем временем из ванной доносились звуки рвотных позывов Шеннон и ее удушья.

Старшая сестра была на пределе - Лео полностью перекрывал ей воздух своим бушующим, пульсирующим членом, постоянно сливая сперму ей в горло и в желудок, и при этом бил ее по гландам, заставляя переступать ту грань, за которой ей было комфортно. Дважды она отворачивала голову в сторону, чтобы испустить сильный рывок, но ей удалось избежать рвоты. Только когда ее лицо стало кровавым от нехватки кислорода, он отступил и позволил ей пососать его кончик, пока она приходила в себя. Она провела языком по его головке и собрала весь вонючий, комковатый сыр, собрав его в рот вместе со слюной и спермой, которые уже были внутри, затем провела языком по внутренней стороне его длинной крайней плоти, ощущая каждую вену, бугорок и отложения грязи на члене, высасывая и эти более глубокие комочки.

"Открой", - приказал Лео. Шеннон так и сделала, приоткрыв и показав огромное количество смегмы, собравшуюся на ее языке. Это унижительное зрелище показалось ему очень горячим, и он кончил, дрожа член на послушное, совершенно податливое лицо старшей сестры, дыша все тяжелее и тяжелее, пока толстые канаты спермы - более белой по цвету, чем смегма, - не начали выплескиваться по всему ее лицу и на слизистую оболочку ее языка. Он заляпал ей нос, глаза, лоб, щеки. Нити были слишком тяжелыми и толстыми, чтобы лететь далеко, но Лео выпустил их много, извергнув десять толстых канатов по всему лицу Шеннон и на ее язык, пока она не превратилась в полное месиво.

"Глотай, - прохрипел Лео, прислонившись спиной к стене и глубоко дыша. В его глазах ясно читалось извращенное удовольствие и полное отсутствие уважения и сдержанности. Такое отношение к женщинам - это все, что он когда-либо знал. "Остальное можешь надеть".

Шеннон кивнула и, напрягшись, стала глотать кучки смегмы и спермы на языке, работая горлом, в то время как струйки спермы скользили по ее подбородку и пачкали грудь и блузку. Она едва не издала тошнотворный рвотный звук и остановилась, в конце концов, подняв глаза на Лео и продемонстрировав пустой рот со слезящимися глазами и улыбкой, которая была настолько неестественной, что казалась безумной.

"Тебе это понравилось, не так ли?" спросил Лео.

"Да", - ответила Шеннон. Это была чистая правда. Лео хотел, чтобы ей понравилось, и она это сделала. "Мне нравится глотать всю твою вонючую сперму и сыр из члена. Спасибо, что воспользовался моим ротиком-киской". Использование суффикса "киска" для обозначения любой части женского анатомического тела было очень модным; оно служило напоминанием о том, что все части тела любой женщины предназначены в первую очередь для удовлетворения мужчины, какими бы ни были его пристрастия.

Со спермой и смегмой, все еще заляпывавшей ее милое личико, Лео вывел ее на кухню, чтобы присоединиться к остальным. Шеннон и Селия скоро уйдут, Кайли начинала работать в кафе только в час дня. Он сел за стол и сказал Шеннон, чтобы она тоже присела, что она и сделала. Семья заняла все четыре места за квадратным столом для завтрака. Лео, откинувшись назад и заложив руки за голову, потягивался с видом властелина всего сущего. Его сестры одинаково шутовски ухмылялись. "Кто хочет дать в задницу мне сегодня ночью?" - спросил он, выжидательно оглядываясь по сторонам.

Реакция была мгновенной и автоматической. "С превеликим удовольствием!" - сказала Шеннон, ее лицо все еще покраснелось от грубого траха. "Пожалуйста, нагни меня сегодня ночью и засунь свой огромный член мне в задницу!" На ее лице не было видно ни малейшего намека на ее истинные чувства - она ненавидела такие встречи и никогда не умела заниматься анальным сексом лучше, чем оральным. Ее улыбка сияла с неестественной, безумной интенсивностью из-за маски из потеков спермы.

"Звучит здорово", - сказала Селия, и ее улыбка стала свирепой. "Я надеюсь, что ты возьмешь меня, что бы я ни делала, задерешь юбку и разорвешь мою несмазанную попку. Это действительно украсит мою ночь!" Как обычно, ее сарказм был очень сильным, но она верила, что брат не будет на нее доносить. В конце концов, если бы он выбрал ее, у нее не было бы выбора подчиниться. Она ненавидела анальный секс, но ее собственное тело, казалось, предавало ее; она могла принять каждый дюйм огромного члена Лео в свою атлетическую пухлую попку, несмотря на то, что ее телосложение было довольно небольшим. Она была достаточно худой, и когда она это делала, на ее животе появлялась большая выпуклость, идущая от лона до пупка. Она не получала от этого никакого удовольствия... но если надо было, она могла это сделать.

"О да! Трахай меня в задницу в любое время, брат!" Кайли щебетала, допивая последнюю порцию спермы и опуская перепачканный сосуд. Ее улыбка была напряженной и сладкой. Она, в отличие от своих сестер, получала огромное удовольствие от всех видов секса - ей даже нравилось сосать член, а если член парня был немытым, то еще больше! "А вообще, если хочешь, я прямо сейчас сяду на твой член!"

Лео, похоже, понравилась эта идея, и Кайли потянулась под юбку, чтобы стянуть чулки и обнажить свою безволосую, тугую киску. Стандарты ухода за влагалищем оставались на усмотрение женщин, если только мужчины в семье не говорили обратное. Лео был довольно ленив и обычно позволял девушкам самим следить за своими прическами и лобком, поскольку его это не волновало. Большую часть дня он проводил за видеоиграми, придумывая, как изнасиловать одну из них в удобное для себя время, а затем выбирая сестру для ночного секса. Он был безработным, но это не имело значения, поскольку женщины в семье должны были содержать мужчин. Таким образом, заработная плата Шеннон, Селии и Кайли контролировалась Лео. Женщинам разрешалось иметь личные счета только с разрешения мужчины, и Шеннон по опыту знала, что расходные привычки таких счетов строго проверялись. Женщины, не достигшие определенного порога расходов - не менее 80% на одежду, косметику или на другие покупки, связанные с соблюдением требований, - могли ожидать проверки.

Кайли сняла каблуки, уселась своими маленькими ножками на бедра Лео и опустилась на его торчащий одиннадцатидюймовый член (28 сантиметров). Его смазанный слюной член легко вошел в ее попку, и она застонала, садясь. Шеннон и Селия продолжали смотреть вперед с кукольными улыбками, никак не реагируя на происходящее. Они видели это много раз. На панели дисплея холодильника высветилось сообщение о том, что скоро им пора уходить на работу. "О, черт!" стонала Кайли. "Разорви мою гребаную задницу! Твой член такой большой! И наверняка у тебя в яйцах столько спермы для меня!" Лео взял Кайли за бедра и начал входить в нее.

"Нннн, блядь!" шипел Лео, стиснув зубы. "Так туго! Селия, приготовь мне завтрак, тупая сука, не сиди здесь!"

Лицо Селии на мгновение омрачилось, но Шеннон пристально смотрела на нее, проверяя, соблюдает ли она правила, и соответствуют ли их улыбки нормам. "Сию минуту, мой

удивительный гениальный брат", - сказала она, поднимаясь из-за стола. У Лео были простые удовольствия: этот озабоченный ублюдок любил сладкие сухие завтраки, поэтому завтрак состоял в том, что ему наливали миску и добавляли немного апельсинового сока. Когда он трахался, Лео мог быть немного грубым и агрессивным, и в такие моменты вероятность того, что Селия потеряет самообладание, была наиболее высокой.

"Эй, Селия", - сказал Лео, глядя на нее сверху, когда он приподнял бедра и вогнал свой член в задницу Кайли до упора. "Ты, конечно, хорошо умеешь приносить вещи. Ты как собачка, да?"

"Да, я такая", - сказала Селия, держа в руках хлопья и апельсиновый сок и бездушно улыбаясь.

"И насиловать тебя тоже хорошо", - сказал Лео. "Я обожаю долбить твою задницу. Ты можешь принять каждый дюйм моего члена... Это делает тебя отличной шлюхой, понимаешь? И это хорошо, потому что ты слишком глупа, чтобы делать что-то еще, да?"

"Спасибо", - ответила Селия. Ее губы так плотно обхватывали зубы, что казалось, они могут разойтись. "Мне очень приятно". Она поставила завтрак на стол с едва скрываемым презрением. Лео застонал, напряг бедра и начал кончать глубоко в задницу Кайли, в то время как две другие сестры были вынуждены оставаться неподвижными. Кайли застонала в оргазме, чего Шеннон и Селия достигали редко, если вообще достигали, и покорно сползла с члена Лео, ее тонкий живот вздымался и опускался под темно-синей тканью наряда горничной.

"Ооооо! Это было потрясающе! Обожаю, когда меня трахают в задницу!" - промурлыкала она и поцеловала Лео в щеку, после чего вернулась на свое место и начала натягивать чулки. Она поерзала на стуле, заставляя свои круглые ягодицы подрагивать и ударяться о поверхность, и потерла живот. "Ммм, ты так много кончил". Лео не сказал ей, чтобы она вычистила или как-то иначе удалила сперму из своей задницы, и она не стала этого делать. Она будет носить ее с собой весь день, пока другой мужчина не скажет ей обратное.

Лео уже потерял интерес и доедал кашу, а Селия стояла, улыбаясь, как служанка. Шеннон поднялась со стула: ей тоже пора было идти на работу. Положив ободряющую руку на плечо Селии - успокойся, сохраняй женское лицо, держи себя в руках, - полутелепатически прозвучало в языке ее тела, - она взяла простой кожаный чехол, в котором находился предоставленный правительством ноутбук OFC, и открыла дверь, выйдя в прихожую их квартиры на третьем этаже. Стены были цементными, ковер - совершенно бесцветным, но все было чисто, и через каждые пятнадцать футов горели светильники со скрытыми камерами.

Пора было идти на работу.

Шеннон вышла из парадной двери здания на чистый тротуар и повернулась на восток, навстречу восходящему солнцу. До закрытой скамейки, служившей терминалом для самодвижущегося транспорта, было несколько кварталов: большие, блочные автобусы, вмещавшие сорок человек и следовавшие по заранее определенным маршрутам. На тротуаре не было ни трещин, ни других препятствий, о которые можно было бы споткнуться. Правительство позаботилось об этом. Она проходила мимо других женщин, идущих на работу в противоположном направлении, и обязательно ожесточенно улыбалась каждой из них, и в каждом случае улыбка была такой же ожесточенной в ответ. То, что ее лицо было абсолютно заляпано густыми хлопьями спермы, а ноздри и губы по краям заляпаны крошками смегмы, не вызывало никаких удивленных взглядов со стороны других женщин - они знали свое предназначение и все в то или иное время оказывались в ее ситуации.

Она прошла мимо терминала для зарядки телефонов и подключения к Интернету с

поворачивающимся экраном. Объявления информировали ее о субсидируемой государством операции по увеличению груди - "Избегайте несоблюдения! Увеличьте свой бюст!" - и спрашивали, не видела ли она сегодня кого-нибудь хмурого. Если да, то ей предлагалось сообщить о нарушительницах в соответствующие органы. Шеннон знала, что за ней наблюдают, но улыбка не сходила с ее лица. Большая струйка спермы попала ей в глаза и стекала по немигающему главному яблоку... Она даже не вздрогнула. Она улыбалась еще шире, до тех пор, пока ей не стало казаться, что ее щеки могут лопнуть от такого пристального внимания. Вонь спермы и сыра от члена обжигала нос с каждым вдохом городского воздуха... но она все равно шла.

Возле тротуара проехал автоматический пылесос с оцифрованным рекламным щитом на боку:

2 + 2 = 5, гласила надпись. Покорные самки знают правду! Следите за своими соседями! Сообщайте обо всех случаях несоблюдения! Уравнение сопровождалось довольно классическим, в стиле Нормал Рокуэлл, изображением женщины, которая шепчет в свой мобильный телефон, наблюдая за соседкой с угрюмым выражением лица. 2 + 2 = 5 - классический пример мантра-правды и известная поговорка. Смысл ее был прост. Если мужчина сказал женщине, что 2 + 2 равно 5, то для нее 2 + 2 равно 5, пока другой мужчина не скажет ей иначе. И неважно, что математически 2 + 2 равно 4.

Экран замерцал и переключился на другую вращающуюся надпись, на которой были изображены обтягивающие женские попки. "Будь в форме для его удовольствия", - предупреждала реклама. В кадр проникала мужская рука и хватала одну упругую, хорошо сложенную ягодицу. Это было ничуть не романтично, а лишь мрачное напоминание о том, что несоответствие стандартам нескромности и красоты приведет к "перевоспитанию". Будучи сама сотрудником OFC, Шеннон бывала в комнатах, где задумывались и планировались подобные рекламные кампании, обычно мужчинами, но иногда и женщинами.

Шеннон подошла к автобусной остановке, где ее ждали четыре женщины и один мужчина в костюме, который, как и она, держал в руках портфель. Ему было около 40 лет, и, судя по всему, он ехал на работу. Шеннон присоединилась к остальным женщинам: они стояли совершенно прямо и радостно улыбались в его присутствии. Каждая из них была одета по-рабочему, но в рамках нескромности. Блузки были расстегнуты, чтобы показать декольте, шерстяные юбки были короткими, фартуки обтягивали большие бюсты, джинсовые шорты были приспущены на бедрах, чтобы показать бретельки стрингов.

Затем Шеннон услышала голос. "Какая ты высокая", - сказал мужчина. У Шеннон екнуло сердце: она была довольно высокой, метр восемьдесят, и когда она слышала, что кто-то упоминает рост, это обычно относилось к ней. С трудом сдержав улыбку, она повернулась к бизнесмену. Он был темноволосым, крепким, с жирными губами.

"Да, сэр", - сказала она, кивнув ему, что было больше похоже на поклон. "Конечно!" Она сохранила в голосе всю возможную бодрость.

"Я вижу, что тебя уже использовали сегодня, так что я не стану совать свой член в твою уродливую коровью морду", - продолжил бизнесмен. "Тебе ведь нравится, когда твое лицо покрыто спермой и ты чистишь мужской член от сыра, не так ли?"

"Да, сэр. Мне это нравится".

"А, как и подобает тупой шлюхе", - сказал мужчина и надул грудь. "Знаешь, я в свое время перетрахал немало таких тупых шлюх, как ты". Выражение его лица стало самодовольно-

надменным.

"Это потрясающе, сэр", - сказала Шеннон.

"Чертовски верно", - сказал мужчина и посмотрел на улицу. Прибывал транспорт - большой, коробчатый автомобиль с агитацией на боку. THINK LESS (ДУМАЙ МЕНЬШЕ) ", - гласил рекламный плакат, на котором была изображена женщина с недоуменным, безмозглым выражением лица. "Как только мы сядем, ты можешь сесть мне на колени. Твое лицо уже использовалось, но твоя попка еще свежая, да? У меня очень толстый член, и мне нравится проверять, способны ли женщины принять его целиком".

"Да, сэр". Сердце Шеннон снова упало. У нее были бесконечные проблемы с анальным сексом; только ее сестры, Селия и Кайли, казалось, были способны принимать самые толстые и длинные члены в свои задницы. Шеннон никогда не была хороша в этом, поэтому ей приходилось работать в два раза больше, чтобы не отставать. Мужчина поднялся на борт первым, взяв Шеннон за руку, и она тут же подчинилась и последовала за его уверенными шагами вверх в машину. Как мужчина, он имел право заходить в автобус первым или последним, в зависимости от обстоятельств, занимать любое место, приказывать женщинам стоять или сидеть, как ему заблагорассудится, или вообще покинуть автобус. Этот мужчина решил сесть впереди, рядом с водительским местом. После того, как они оба протянули свои карточки для оплаты проезда, он усадил Шеннон к себе на колени, и она сразу же почувствовала, как между круглых толстых щек ее задницы выпячивается толстый выпуклый член.

Он был невероятно толстым, и ее крик страха, когда он стянул с нее трусики и приставил его к ее попке, был лишь частично перекрыт включившимся радио. В салоне звучала успокаивающая музыка, которая обычно играла во время двадцатиминутной поездки на работу, перемежаясь с пропагандой и рекламой товаров и услуг, разрешенных к применению. Эти звуки зазвучали в ушах Шеннон, когда член мужчины, который казался буквально толще его запястья, вошел в ее кишечник и начал ее долбить.

"Нннх! Это... очень... приятно!" сказала Шеннон. Это была мужская правда. Он ожидал, что его большой член доставит ей удовольствие, и она будет вести себя так, как будто это так и есть. На самом же деле ей казалось, что ее кишки горят, а ее крики едва ли можно было отнести к удовольствию. На других местах женщины сидели с пластмассовыми улыбками, глядя прямо перед собой, изредка переговариваясь друг с другом. Каждое слово записывалось, каждое выражение лица фиксировалось, и если у них и были возражения против того, чтобы смотреть, как Шеннон долбит в задницу во время их поездки, то ни одна из них не осмелилась их высказать.

"Тупая шлюха, - прохрипел мужчина, обхватив ее за талию и всаживая свой вставший дыбом член в ее дырку. "После этого ты меня запомнишь, да? Я собираюсь изменить размер твоей задницы по форме моего члена".

"Да, сэр!" Шеннон слышала эту фразу несколько раз. Ей хотелось, чтобы это было правдой. Может быть, тогда ежедневные изнасилования и нападения не были бы такими неприятными. Этот мужчина показался ей особенно злобным, он размахнулся и ударил ее по-ослиному прямо в затылок, отчего ее длинные светлые волосы разлетелись, а лицо перекошилось вперед. Она уперлась руками в сиденье перед собой, чтобы избежать столкновения, и выглядела ошеломленной и потрясенной.

"Вот так, получай, тупая сучка!" - хрипел бизнесмен, продолжая двигать бедрами, крепко

обхватив Шеннон за талию. Он переместил свою руку вверх, чтобы погладить ее груди, разминая чувствительную плоть. Шеннон моргнула и инстинктивно исказила лицо в бездумной улыбке, пытаясь сбросить с него оцепенение. В этот день бизнесмен явно находился в агрессивном и доминирующем настроении, и ей досталось по полной программе. "С такими сиськами и такой большой круглой задницей тебя надо трахать постоянно! Нннгх! Я сейчас кончу! Прими мой большой, толстый, накопившийся груз в свою никчемную задницу!"

Раздался звук, похожий на звук засорения канализации, когда потный, хрипящий мужчина навалился на ее спину и выпустил, казалось, нескончаемую струю спермы в ее сжимающиеся, вздрагивающие кишки. Он лапал ее за сиськи и дергал за светлые волосы, а Шеннон послушно стонала, имитируя оргазм, - звук, не слишком похожий на плач... что позволяло ей легко его имитировать. Она уже привыкла к подобным случаям, но два за одно утро - это было особенно неудачное начало.

Следующие несколько минут они сидели молча, чувствуя, как он размягчается внутри нее. Она смотрела, как мимо проплывают здания огромного серого города восстановленного Вашингтона - даже рекреационные и торговые зоны были одинаковыми по цвету и расположению. Каждое здание было похоже на коробку или какую-то вариацию простой геометрической формы. Рекламные щиты и вывески располагались на установленном расстоянии друг от друга, использовали определенную цветовую палитру и несли информацию, одобренную OFC. Шеннон не переставала улыбаться и почти не чувствовала, как ее партнер ощупывает и пощипывает соски.

Ее остановка была раньше его. "Это моя остановка, сэр", - пояснила она. "Или вы еще будете меня использовать?"

Бизнесмен, у которого сорвало крышу и который потерял всякий интерес к окружающим его женщинам, засовывал член обратно в ширинку. Он смотрел в окно на возвышающееся за окном здание - самый большой и высокий комплекс во всем Вашингтоне.

"Управление по соблюдению женского законодательства?" - усмехнулся он. "Ты здесь работаешь? Неудивительно, что ты так хорошо трахаешься".

"Спасибо, сэр".

"Я должен был бы заставить тебя встать на колени и отсосать мой член, но, полагаю, я заставлю какого-нибудь большого начальника из OFC расстроиться из-за того, что у него нет кофе сегодня утром", - продолжал мужчина, свободно выражая презрение, которое женщинам запрещалось даже подразумевать. "Так что я тебя отпущу".

"Спасибо, сэр", - сказала Шеннон. И, поправив трусики, она в несколько шагов вышла из автобуса на лестничную площадку с чехлом в руках. Вход в офис OFC был достаточно устрашающим - воронкообразная площадка из трех уровней, каждый из которых состоял из пяти ступенек, и заканчивался большими двойными дверями, где проходил контроль безопасности. Охранники примерно наполовину состояли из мужчин, что было редкостью для большинства направлений работы после вспышки, но имело определенный смысл. Во-первых, это была полувоенная работа, а в армии самая высокая доля мужчин. Во-вторых, это была работа, которая "вписывалась" в новый социальный порядок, когда мужчины отдавали приказы женщинам, а те беспрекословно подчинялись.

Шеннон молилась, чтобы ее не привлекли для случайной проверки. Чтобы попасть в офис OFC, она должна была предъявить пропуск, выданный правительством, но даже при наличии такого

пропуска женщины все равно подвергались выборочным проверкам. Во время таких проверок сотрудники службы безопасности - опять же, как правило, мужчины - раздевали ее, осматривали всю одежду, а затем сколько угодно лапали ее ягодицы, грудь и киску. Иногда проверялась работоспособность ее ротика и киски, и если она проявляла хоть малейшее колебание, подвергаясь этим проверкам, ее увольняли и клеймили как возможную диверсантку.

К счастью, среди охранников оказалась одна из женщин - холодноглазая, суровая стерва с туго затянутым хвостиком. Она была подозрительна и очень хотела угодить своему мужскому начальству (даже в тех случаях, когда должностные обязанности были одинаковы для разных полов, мужчины считались выше женщин на рабочем месте), но позволила Шеннон пройти, просто проверив карточку.

Взяв в руки саквояж, она поднялась на 54-й этаж на большом лифте. В лифте ехали в основном женщины, и хотя в вагоне она почувствовала, как ее ощупывают, и услышала, как мужской голос назвал кого-то "тупой пиздой", это не было направлено на нее. Еще один потенциальный подводный камень был избегнут. Она проверила свой телефон и увидела, что у нее нет времени медлить ни минуты, прежде чем отправиться в конференц-зал для проведения ежедневного брифинга. Официально Шеннон называлась "секретарь", но в основном она занималась тем, что собирала информацию об интересующих ее событиях из различных источников в компании и составляла из нее брифинг, который каждое утро зачитывала вслух руководителям отделов.

Точно по расписанию она вошла в зал заседаний, цокая каблуками по кафелю, и двинулась по центральному проходу, образованному рядами столов по обеим сторонам. Ее ждал подиум с логотипом OFC на передней панели - астрологическим символом Венеры с замочной скважиной в центре круга - и уже включенный микрофон. По обе стороны от нее ожидали ее доклада мужчины. Большинство из них были старше, но несколько молодых звезд были на взлете. Это было пугающее положение - увидеть за утро больше мужчин, чем большинство женщин после вспышки вируса увидят за неделю, но Шеннон держалась уверенно. Ее задница болела, затылок пульсировал, в горле саднило, но она продолжала идти с улыбкой, размазанной по лицу. Один из молодых мужчин, сидевший ближе всех к проходу, наклонился и шлепнул ее по круглой попке, когда она проходила мимо.

С некоторыми начальниками отделов были женщины, которых они просили пососать их члены или полизать яйца во время совещания. Эти женщины были учтивы, чтобы свести к минимуму свои задыхающиеся и стонущие звуки, а мужчины выбирали только тех женщин, у которых не было неотложных дел для других мужчин, например, принести кофе. Если возникал конфликт, женщины не имели права голоса - все решали мужчины. Шеннон подошла к подиуму, взяла свой чехол и достала пачку бумаг. Она постучала по микрофону, и тот жалобно заскулил. Ее светлые волосы были спутанными и свалявшимися в тех местах, где ее брат забрызгал их своей спермой, а в носу и на губах все еще оставались кусочки сыра из члена, не говоря уже о брызгах очень вонючей спермы, засохшей на ее лице. Тушь растеклась по ее глазам енотовыми кольцами и черными слезами.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/4168/121755>